

что, конечно же, связано в первую очередь с его мировоззренческими установками, выводящими его мышление за горизонт христианской культурной традиции. Со своим “мягким” антиплатонизмом Мерло-Понти, двигаясь по “следу” позднего Гуссерля, приближается к ницшевской модели философии. Но в отличие от певца Заратустры у него чувствуется неистраченный заряд классической гуманистической этики. Недаром свой философский шедевр он заканчивает цитатой из повести Сент-Экзюпери. Итак, завершая наш сравнительный этюд, мы можем сказать, что, сопоставляя Габриеля Марселя и Мориса Мерло-Понти, мы сравниваем христианского гуманиста с гуманистом безрелигиозным.

РУКОПИСЬ А. КОЖЕВА 1940–1941 гг.

А.М. Руткевич

Большинство написанных А. Кожевом трудов вышли посмертно, поскольку при жизни он писал почти исключительно “в стол”. За исключением периода лекций в Высшей школе практических исследований (1934–1939) он не занимался преподаванием, и не был обязан доказывать свою состоятельность в качестве профессора, публикуя монографию раз в пять лет; тщеславие было ему чуждо – он считал его непременной характеристикой “интеллектуала”, а не философа. Принесшая ему известность книга “Введение в чтение Гегеля” была опубликована не им самим, а его учеником, писателем Р. Кено, который собрал конспекты слушателей курса 30-х годов, стенограммы и записи самого Кожева. Правда, трехтомную историю античной философии Кожев готовил к печати сам, но лишь первый том был приведен в должный вид; второй и третий сохраняют характер наброска. Если исключить написанную в юности диссертацию о Вл. Соловьеве и несколько статей, все остальные труды Кожева представляют собой рукописи разной степени готовности. О существовании некоторых из них, например книги о Канте, не ведала даже его жена Н.В. Иванова. Именно благодаря ей эти произведения вообще смогли быть опубликованы, поскольку чрезвычайно неразборчивый почерк Кожева был знаком только ей. Сначала были расшифрованы и переданы в издательство “Галлимар” его французские труды, прежде всего – “Очерк феноменологии права”, вышедший в 1981г. по рекомендации Р. Арона. Затем последовала написанная

в 1931 г. по-русски книга “Атеизм”¹, перевод которой на французский язык вышел несколько лет тому назад (нельзя сказать, что вполне удачный). Казалось бы, все основные труды Кожева теперь изданы, и в задачи интерпретатора его творчества уже не входит расшифровка и подготовка труда к изданию, напоминающая работу медиевиста.

Однако пять лет назад в архиве Ж. Батая была обнаружена огромная рукопись, само существование которой до этого времени считалось невозможным. По словам Н.В. Ивановой, в начале 1941г. Кожев вместе с другом (Л. Поляковым, в будущем – автором труда по истории антисемитизма) навестил советское посольство в Париже. Он собирался покинуть Париж, а затем и Францию. В 1940–1941 гг. он писал по-русски большую работу и хотел, чтобы она сохранилась и, быть может, вышла в свет на родине. Этот визит в посольство, судя по всему, послужил началом для версии о сотрудничестве Кожева с советской разведкой. Он даже мог дать такое согласие – его мать оставалась в СССР и могла пострадать в случае отказа, но скорее всего его “зачислили” в ряды рыцарей плаща и кинжала без его ведома. Во всяком случае, после войны он явно не сотрудничал с советскими “органами”². Оставленная в посольстве рукопись считалась утраченной, поскольку 22 июня 1941г. в здании посольства были сожжены почти все бумаги. Но сгорел, судя по всему “беловой” вариант рукописи (вероятно, машинопись), тогда как черновик Кожев отдал слушателю своего курса Ж. Батаю, работавшему в библиотеке. О существовании ее, видимо, забыли и Батай, и сам Кожев – после войны они общались, Кожев публиковал свои статьи и рецензии в журнале Батая *Critique*.

К моменту обнаружения этой рукописи Н.В. Ивановой было уже 90 лет. Хотя она сохранила ясный ум и бодрость, расшифровка такого тома теперь была ей не по силам. Но она охотно согласилась обучить чтению рукописи любого, кто пожелает это сделать. Так как оплачивать эту неблагодарную работу не было готово ни одно российское издательство, мне пришлось привлечь

¹ Вместе с рядом других работ Кожева она недавно была опубликована по-русски. См.: Кожев А. Атеизм и другие работы. М.: Праксис, 2007. В предисловии к этому тому содержатся биографические сведения и достаточно подробная характеристика деятельности Кожева.

² Версия о таком сотрудничестве была пущена в ход в силу внутренних склок французских политиков. Кожева сделали “связным” Шарля Эрню, близкого друга Ф. Миттерана, одно время – министра обороны Франции. С ним Кожев, по словам Н.В. Ивановой даже не был знаком (быть может, сталкивался в коридорах власти в 50-е годы).

близких мне людей – Н. Руткевич и О. Голову, которые сначала читали эти рукописи совместно с Н.В. Ивановой, а затем занимались расшифровкой самостоятельно, обращаясь к Нине Владимировне только в особо трудных случаях. Работа эта – чрезвычайно трудная: почерк Кожева доставлял множество проблем и прожившей вместе с ним более 30 лет жене. Тонкая волнистая линия с отдельными завитками даже под лупой остается неразборчивой. Писал Кожев необычайно быстро, практически без поправок; в результате, черновик содержит описки и просто темные места, что еще более затрудняет расшифровку. Н.В. Иванова не раз честно признавалась, что ничего не понимает в философии: по профессии она была химиком, труды Канта или Гегеля никогда не открывала. Незнание терминологии затрудняло и без того непростую задачу: чуть ли не каждое слово приходилось разглядывать под лупой, а затем собирать отдельные слова в осмысленное целое. Хотя мои дочь и жена обладают существенно большими познаниями в области философии, Гегелем и Кожевом они ранее никогда специально не занимались, предпочитая им Токвиля или Августина. Та минимальная роль в этой работе, которая выпадала на мою долю, заключалась в расшифровке терминов и прояснении контекста.

Работа над рукописью прервалась вместе со смертью Н.В. Ивановой. Без нее она не смогла бы даже начаться – не только в силу способности читать этот текст. Только она имела возможность получать ксерокопии страниц рукописи из архива. Хотя она дала мне письменное разрешение публиковать русские тексты на родине ее самой и Кожева, к французским архивам у меня нет прямого доступа. Расшифрована была примерно треть обширного Введения. Довольно частые сноски, к сожалению, указывают на “пустой класс” – они либо располагаются на последних страницах манускрипта, либо вообще затерялись.

Так как сохранилось оглавление Введения, то мы можем судить о замысле всей работы в целом. Она явно перекликается с прочитанным в 30-е годы и опубликованным в 1947 г. Р. Кено текстом. Написанный под конец работы над рукописью листок содержит следующий план работы.

Введение

София, фило-софия и феноменология.

I. Совершенное знание или “мудрость” (софия) и философия как стремление к совершенному знанию.

§ 1. Идеал “мудрости” как идеал сознательности.

A) “Мудрость” как полное само-познание.

Б) “Мудрость” как революционно-социалистическая “сознательность”.

В) “Мудрость” как нравственное совершенство.

§ 2. Совершенное знание как “мудрость”, т.е. как завершение сознательности.

А) “Мудрость” как завершённое само-сознание.

Б) “Мудрость” как совершенное или “абсолютное” знание. (Идея философской системы).

§ 3. Философия как стремление к завершённой сознательности, т.е. как путь к совершенному знанию.

А) Философия как незавершённое, или несовершенное знание, т.е. как знание неполное или фрагментарное.

Б) Философия как умение ставить вопросы.

II. Феноменология как диалектическое введение в философию.

§ 1. Цель, тема и предмет феноменологии.

А) Цель феноменологии.

Б) Тема феноменологии.

§ 2. Метод феноменологии.

А) Феноменологическое описание и реальная диалектика. – Экскурс о диалектике.

Б) Феноменологическая “дедукция a posteriori”

В) Кругообразность феноменологии.

§ 3. Структура феноменологии.

А) Место феноменологии в Системе.

Б) Три составные части феноменологии.

В) Структурные особенности феноменологии.

Ванв. 22 февраля 1941г.

Древнее правило герменевтики предполагает постижение целого из частей, а частей – из целого. Поскольку работа в целом пока что недоступна, публикацию части расшифрованной рукописи нет смысла сопровождать обширной статьей о содержании труда и его отношении к целому более высокого порядка – творчеству Кожева на протяжении всей его жизни (или даже к довоенному периоду, итогом которого стала эта рукопись). Судя по этому оглавлению, вторая часть Введения (“Феноменология как диалектическое введение в философию”) представляет собой развитие тех идей, которые были кратко рассмотрены Кожевом в его курсе лекций “Введение в чтение Гегеля”. Размышления о мудрости и завершающем историю Мудреце также имеют параллели с написанными по-французски набросками лекций

30-х годов, а соображения по поводу теизма и атеизма восходят к рукописи 1931 г. “Атеизм”³.

Судя по § 1 (Б) I части, Кожев, действительно, мог надеяться на то, что со временем его труд будет опубликован в СССР. Рассуждения о “пролетарской сознательности” и коммунизме как завершении истории (и даже упоминания “марксизма-ленинизма-сталинизма”), впрочем, расходятся со всем остальным содержанием рукописи. Если у Кожева и были на то время какие-либо иллюзии по поводу творившегося в СССР в те годы (хотя, по словам ряда знавших его в то время лиц, таковых у него не было), именно на 30-е годы приходится сравнения Сталина с Наполеоном и даже заявления Кожева о себе самом как о “сталинисте”. Последние произносились *pour epater le bourgeois*, но всё же его воззрения на то время можно охарактеризовать как “левогегельянские” и даже социалистические. Это видно и по написанному им через два года “Очерку феноменологии права”; правда, окончательное “универсальное и гомогенное государство” к “концу истории” не отменяет у него частной собственности и напоминает “юридический социализм” неокантианцев конца XIX в. После войны его оценки опыта СССР и официального марксизма станут ироничными: Советский Союз будет объявлен им последним европейским оплотом традиционной буржуазной эксплуатации, а советская номенклатура будет прямо именоваться “буржуазией”⁴. Так как для Кожева тип Буржуа является докапиталистическим (это – “Раб без Господина”, т.е. представитель “третьего состояния”, избавившийся от Господина, но оставшийся Рабом по своему духу – в отличие от капиталиста, представляющего более высокий тип), то отношение Кожева к режиму на его родине вполне понятно.

Во всяком случае включенный в текст рукописи параграф о “сознательности” не мешает ему в остальном развивать свое собственное учение, которое никак не связано с марксизмом и лишь отчасти можно считать “гегельянством”. Сам Кожев признавал, что его интерпретация Гегеля имеет не историко-философский характер, что “Феноменология духа” обособляется им от “Энциклопедии философских наук” и “Науки логики”. Более того, в самой “Феноменологии духа” его интересовали только антрополо-

³ Лекции 6–9 курса 1934–1935 гг. *La dialectique du réel et la méthode phénoménologique chez Hegel*. A. Kojève, Introduction à la lecture de Hegel. Paris, 1947. P. 445–528.

⁴ Заметки Кожева “Москва, август 1957” и доклад “Колониализм с европейской точки зрения” см.: Атеизм и другие работы. М.: Практикс, 2007.

гия и философия истории, тогда как элементы гегелевской философии духа были сведены к теме “мудрости”. Впрочем, сходное отношение к первоисточнику – мыслям самого Гегеля – легко обнаружить у многих представителей “неогегельянства” (Валя, Кроче, Коллингвуда и др.).

Публикуемые ниже два отрывка рукописи – начало первого параграфа (А) и второй параграф I-й части – дают представление о постановке Кожевом проблемы философской мудрости и об его отношении к Декарту и к Гегелю.

При подготовке текста к публикации использовались следующие условные обозначения: угловые скобки со знаком вопроса (<?) ставились в том случае, когда расшифровка рукописи оставляла сомнения; <ирзб> – для слов, не поддающихся расшифровке; <пропуск> – в тех случаях, когда отсутствующие в рукописи слова делали высказывание незавершенным; в квадратных скобках [] – слова, поясняющие сказанное (или же отсутствующие) в смысловом отношении.

Орфография и пунктуация – в соответствии с правилами современного русского языка.

Все подчеркивания и расстановка круглых скобок () сохранены в том виде, в каком они сделаны в рукописи автором.

Введение

СОФИЯ – ФИЛОСОФИЯ И ФЕНОМЕНОЛОГИЯ

I. СОВРЕМЕННОЕ ЗНАНИЕ ИЛИ “МУДРОСТЬ” (СОФИЯ) И ФИЛОСОФИЯ КАК СТРЕМЛЕНИЕ К СОВЕРШЕННОМУ ЗНАНИЮ

Параграф 1

ИДЕАЛ “МУДРОСТИ” КАК ИДЕАЛ СОЗНАТЕЛЬНОСТИ

Истоки того направления человеческой мысли, которое до сих пор принято называть греческим словом “философия”, находятся, как известно, в древней Греции, а сами греки считали началом своей философии мысль полубогатых семи мудрецов, одному из которых приписывается знаменитое изречение: “Познай самого себя”. Это задание – познать самого себя – сделал своим Сократ, и с тех пор, пройдя сквозь творения его великого уче-